

Ты знаешь, что каждую из этих вещей я читал с большим вниманием.

Августин

Что же? Неужели они не принесли тебе никакой пользы?

Франциск

Напротив, пока я читал, они были мне очень полезны, но едва я выпускал книгу из рук, мое согласие с нею тотчас исчезало совершенно.

Августин

Такова общая привычка читающих, с тех пор как негодные писаки, это проклятое отродье, стали всюду бродить стадами; хотя в школах много спорят о том, как должно жить, но слова мало претворяются в дело. Но если бы ты отмечал соответствующие места известными знаками, ты извлекал бы пользу из чтения.

Франциск

Какими знаками?

Августин

Каждый раз, когда при чтении тебе встречаются назидательные изречения, которые, как тебе кажется, либо подстрекают, либо обуздывают твой дух, не полагайся на силы своего ума, но прячь их в хранилище твоей памяти и тверди до тех пор, пока вполне не освоишься с ними, дабы, по примеру опытных лекарей, где и когда бы ни приключилась болезнь, требующая немедленного вмешательства, лекарства были бы у тебя, так сказать, записаны в душе. Ибо как тела, так и души человеческие подвержены некоторым недугам, в которых промедление столь опасно, что отсрочить лечение значит уничтожить надежду на спасение. Кто не знает, например, что иные движения души бывают столь стремительны, что, если разум не подавляет их в самом зародыше, они ввергают в гибель душу, тело и всего человека, и всякое средство, применяемое к ним впоследствии, оказывается уже запоздалым. Из них главным я считаю гнев. Не без основания те, кто делит душу на три части, отводят ему место под седалищем разума, помещая разум в голове, как бы в крепости, гнев- в груди, вожделения – в брюшной полости, ибо разум должен быть всегда готов быстро подавлять бурные порывы подчиненных ему страстей и как бы с высоты трубить к отступлению; и так как гнев всего более нуждается в этой острастке, то он и помещен всего ближе.

Франциск

И правильно. Я хочу доказать тебе, что эту истину я извлекал не только из философских, но и из поэтических произведений. Именно, я часто размышлял про себя, что описываемые Мароном неистовые ветры, скрывающиеся в далеких пещерах, и громоздящиеся над ними горы, и на вершине сидящий царь, укрощающий их своей властью, знаменуют, может быть, гнев и буйные страсти души, которые клокочат в глубине сердца и, если бы не сдерживала их узда разума, как говорится тем же:

Материк и моря, и глубокое небо

Ярые все б унесли, все б размыкали буйным набегом.

В самом деле, что понимает он под материком, как не земную персть тела, под морями – как не оживляющие ее соки, под глубиной небес – как не душу, которая обитает в скрытом месте и в которой, как он же говорит в другом месте:

Дышит мощь огневая, небесное теплится семя.

Этим он хочет сказать, что страсти ввергают в бездну тело и душу, словом – всего человека. Напротив, горы и вверху сидящий царь – что это, как не крепость – голова и в ней живущий разум? Ибо вот его слова:

Там царь Эол, в пространной пещере,

Буйных боренье ветров, мощь мятежную бурь мног шумных

Властью гнетет, и в оковах томит, и смиряет уздою.

С бешеным воем они и с великим ропотом бьются

Окрест в затворы горы. На возвышенной сидя твердыне,

Жезл подъемлет Эол...

Так говорит поэт. Я же, разбирая каждое слово в отдельности, слышу, что речь идет о бешенстве, борении, о мног шумных бурях, вое и ропоте, – а эти слова могут относиться к гневу. Далее я слышу о царе, сидящем на возвышенной твердыне, держащем жезл, угнетающем властью, укрощающем оковами и уздою; кто станет отрицать, что эти слова могут относиться к разуму? А чтобы было ясно, что все это говорится о душе и смущающем ее гневе, он прибавляет следующее: